

Лариса С. Тихомирова (Пермь)

Интегративный подход к изучению рефлексии в научном сознании

Ключные речи:
научный текст, научное сознание, рефлексия, критическое мышление.

У раду се расветљава проблем савремене научно-когнитивне делатности као рада свести са њој типичном дијалектиком спознатог и неспознатог, спецификумом деловања рефлексивних механизма. Интегративни приступ рефлексивним механизмима у тексту показује сву сложеност лексичко-семантичке анализе језичких јединица. Анализирају се рефлексивни начини изражавања научне спознаје у тексту, који имају утицаја на став аутора (истраживача) и читаоца (корисника).

Характерной особенностью современного научного познания является расширение и углубление его предмета, приводящее к рассмотрению структуры научно-познавательной деятельности. Установка на выявление глубинных не-явных предпосылок формирования и развития научного знания в тексте выдвигает на передний план проблематику исследования научно-познавательной деятельности как определенной работы сознания с присущей ему диалектикой осознанного и неосознанного, спецификой действия рефлексивных механизмов.

Проблемы рефлексии при интерпретации научного текста имеют большое значение в формировании научного сознания как ученого, так и читателя. М. А. Розов в коллективной работе «Философия науки и техники» пишет, что «при ближайшем рассмотрении довольно легко придти к выводу, что фактически почти все в науке сводится к рефлексии» [Розов 1995: 76]. Несмотря на многочисленные публикации, посвященные исследованию рефлексии в различных сферах науки (философии, психологии, педагогике, лингвистике и др.), остается

большое множество вопросов, которые не достаточно ясны для широкого круга лингвистов, психологов, когнитивистов, а также мало изучены или не исследованы совсем. Например, нет однозначного, разделяемого большинством специалистов разграничения между рефлексией и интроспекцией, рефлексией и само-рефлексией. В целом не определен ее статус в развитии личности, в развитии научного знания, не четко обозначено, за счет чего конкретно осуществляется «рефлексивный выход». В данной статье предпринята попытка осуществления краткого обзора наиболее важных аспектов понимания сущности рефлексии в формировании научного (когнитивного) сознания в тексте.

Понятие рефлексии в широком смысле, как известно, применяется для обозначения актов самосознания, самоанализа, самооценки того, что можно было бы назвать «мышлением о мышлении» [Бажанов 2002: 73]. Под рефлексивностью научного сознания мы понимаем его самообращенность, наличие в нем механизмов и норм сознательного контроля над процессом роста и функционирования знания в научном пространстве.

Сегодня проблемам управления научных знаний посвящена обширная психодидактическая и лингвистическая литература. Следует отметить, что в отечественной психологии *вопросов рефлексии касались почти все авторы существующих психологических концепций*. Для начала рассмотрим рефлексии во взаимосвязи с интроспекцией.

Одним из родоначальников метода интроспекции считается английский философ Дж. Локк. Он считал, что существует два источника всех человеческих знаний: первый – это объекты внешнего мира, а второй – деятельность собственного ума.

На объекты внешнего мира люди направляют свои внешние чувства, и в результате получают впечатления (или идеи) о внешних вещах. Деятельность же ума, к которой Локк причислял мышление, сомнение, веру, рассуждения, познание, желания, познается с помощью особого, внутреннего, чувства – рефлексии. Рефлексия по Локку – это «наблюдение, которому ум подвергает свою деятельность» [Локк 1960: 165].

Он указывал на возможность «удвоения» психики, выделяя в ней два уровня: первый – восприятия, мысли, желания, а второй – наблюдение или созерцание структур первого уровня.

В связи с этим под интроспекцией в историческом контексте ее возникновения часто понимают *метод* изучения свойств и законов сознания *с помощью рефлексивного наблюдения* [Карпов 2004, Лекторский 2001]. Иными словами, *всякая рефлексия, которая направлена на изучение закономерностей*, свойственных психике каждого человека, является интроспекцией, а в свою очередь, индивидуальное самонаблюдение, не имеющее такой цели, – только рефлексией.

Среди современных разработчиков теории рефлексивной деятельности следует отметить А. В. Карпова, С. Ю. Степанова и И. Н. Семенова.

В подходе А. В. Карпова рефлексивность выступает как *метаспособность*, входящая в когнитивную подструктуру психики, выполняющая регулятивную функцию для всей системы, а рефлексивные процессы – как «процессы третьего порядка» (считая процессами первого порядка когнитивные, эмоциональные, волевые, мотивационные, а второго порядка – синтетические и регулятивные) [Карпов 2004: 88]. В его концепции рефлексия представляет собой наивысший

по степени интегрированности процесс; она одновременно является *способом и механизмом выхода системы психики за собственные пределы, что детерминирует пластичность и адаптивность личности.*

В работах А. В. Карпова [Карпов 2004: 56–98], С. Ю. Степанова и И. Н. Семенова [Степанов, Семенов 1982: 99–104] описывается достаточно много видов рефлексии. Среди них авторы содержательно выделяют два вида рефлексии (по тому, на что конкретно она направлена):

- интеллектуальная (интеллектуальные акты, познавательные стратегии, предметные действия);
- личностная (эмоциональные состояния, ценности, моральные нормы, убеждения, мотивы, намерения, образ «Я» и т.д.).

В современной психологической литературе [Брушлинский 2000, Юдин 1997] можно также встретить термин «саморефлексия», который нередко имеет различный смысл. Данный вид рефлексии пока еще не имеет своего четкого определения (его также нет в психологических словарях). В связи с тем, что значительная часть исследователей понимают рефлекссию расширенно (как это делают методологи), бывает необходимым указать на то, что рефлексия направлена на самого человека. В этом случае, по нашему мнению, психологическая рефлексия (субъективная) и саморефлексия – тождественные понятия. Иногда под саморефлексией понимают самостоятельность осуществления рефлексии: ее реализацию без помощи кого-либо. Перечисленные выше теории отражают представления о сознании как феномене психологии. В лингвистической исследовательской традиции научный текст определяется как «смыслодержащая структура, отра-

жающая объективное знание о реальной действительности» [Дридзе 1980: 46]. При этом не всегда учитывается рефлексивный характер научной деятельности и, следовательно, не в полной мере оценивается значимость категории адресованности и фактор адресата того или иного научного жанра.

В социолингвистических работах, признающих возможность и необходимость лингвистического выражения в научном тексте рефлексивно-адресатного аспекта, как правило, изучались отдельные методологические и лингвистические аспекты реализации указанной категории, преимущественно с точки зрения классификации отдельных языковых средств [см. работы. Разинкина 1985, Кожинной 1986, Кожинной 1998, Дускаевой 1998]. В последнее время интересы исследователей нацелены на гуманистическое изучение проблем научной текстовой коммуникации [Богин 1987], включающей в себя понятие диалогичности [Бахтин 1989]. Исследователи процессов научного познания и научного стиля речи подчеркивают, что применительно к языку науки «диалог» представляет собой объемное и неоднородное явление, вбирающее в себя основные диалогические измерения, происходящие в самом научном тексте и вне его [Славгородская 1986]. Подобное разграничение происходит из присущего миру научного познания, связанного с текстовой коммуникацией «расщепления», как проявления присущей научному стилю ассиметрии между «миром вне текста» и «миром внутри текста», обнаруживаемого в сфере адресата, адресанта и референции [Воробьева 1994: 3–8]. Такое расщепление адресации является характерологической особенностью научного познания и научного текста и определяется экстралингвистическими

факторами, среди которых основными являются формы общественного сознания с соответствующими видами деятельности [Дридзе 1984]. Как известно, любая деятельность, в том числе и теоретическая, социальна по своей природе независимо от того, осуществляется ли она непосредственно в коллективной форме или в форме индивидуально-творческой активности [Леонтьев 1974]. Деятельность ученого, а тем более ученого-медика (наше исследование мы проводим на материале научной медицинской литературы), глубоко социальна. Профессиональная деятельность врачей является важнейшим эксталингвистическим фактором и созданные ими научные тексты следует рассматривать как «отражение в их содержательно – смысловых структурах рефлексии» [Богин 1987: 63] научного медицинского социума.

Именно в этом и заключено «расщепление» адресации научного текста, когда адресат, как и его адресант, принадлежат одновременно к внешнему и внутреннему пространству текста, воплощая диалектику «внутриположенности» и «вненаходимости». На материале различных жанров (монография, статья, рецензия, реферат, аннотация, справочник и т. п.) четко прослеживаются взаимообусловленные процессы рефлексии двух «диалогов». Во-первых, – это диалог между текстом и его адресатом, в которых адресат выступает как фактор, «внеположенный» по отношению к тексту, во-вторых, как сущность, имманентная тексту и воплощающаяся в таком его свойстве как адресованность [Воробьева 1992: 53].

Создание и функционирование современного научного текста возможно только на основе правильного и глубокого отрефлексированного (осознанного) содержания и формы, значения и смысла

как взаимосвязанных и взаимообусловленных диалектических единств, как способов выражения мысли небезразличных для самой мысли.

Однако встречаются случаи смысловой текстуальности, где наблюдается рассогласование между содержательным планом научного знания и планом выражения, между концептуальным содержанием области научного знания и используемым языком.

Проиллюстрируем эту ситуацию примером из медицинских текстов (Журнал «Невропатология и психиатрия им. С.С. Корсакова», 1997, 1998 [жнпк]; «Социальная и клиническая психиатрия», 1997, 1998 [скп]; «Кардиология», 1998 [Кардиология]). Известный психиатр А. А. Зорин заметил, что во многих медицинских изданиях вместо правильного термина *статистическая значимость (significance)* часто используется термин-неологизм *статистическая достоверность* (чаще без прилагательного *статистическая*) [Зорин 1989: 51]. Так, в подтверждение этого тезиса приведем примеры:

Достоверность определялась по критерию Стьюдента...; *высокая достоверная* корреляционная связь...; коэффициент корреляции (r) считали *достоверным* при $p < 0.01$...; *границы достоверности*... [жнпк 1997, 11: 23; 25].

Как видим, термин находится семантически рядом с числовым значением «р», но без прилагательного «статистическая». Кроме этого, можно наблюдать, что корреляции неких параметров, имеющих *статистическую значимость*, неверно осознаются некоторыми исследователями как подтверждение их прямой причинно-следственной связи

...Достоверно снизилось влияние боли на жизнь и аффективный дистресс... [ЖНПК 1997, 11: 34].
 Препарат достоверно ускоряет регресс <...> расстройств... [ЖНПК 1997, 10: 28].
 Достоверность различия между средними арифметическими сравнениями... устанавливалась по степени вероятности положительной гипотезы... [ЖНПК 1997, 8: 34] и т.д.

На наш взгляд, не случайно большая часть этих примеров представляет собой «выразительные средства» (...влияние боли на жизнь..., ускоряет регресс..., достоверность различия между... сравнениями и пр.), которые придают общенаучным словам наукообразия (по принципу: «достоверно» значит «научно»). Причинно-следственная связь там, где ее еще только требуется доказать, «научность» там, где ее быть не может, непосредственное увязывание статистики с клиникой – все это примеры смысловой глобализации «достоверности» исследования.

Иногда номинация «достоверность» или «значимость» использовались в тексте, где не указывались ни числовые значения «р», ни прилагательное «статистическая». Требовалось много усилий, чтобы понять, что «значимость» используется здесь именно как термин, а не общенаучное слово:

достоверное снижение частоты развития сердечной недостаточности после проведения <...> отмечалось и другими авторами (но при этом не было ссылки на этих авторов) [«Кардиология» 1998, 4: 22]; Достоверно снизился уровень депрессии... [ЖНПК 1997, 11: 34];

Субъективная оценка сна <...> была достоверно ниже... [ЖПК 1997 1: 37].

Таким образом, практически повсеместно встречаемая замена слова «значимость» на «достоверность» говорит о том, что существует, возможно, не до конца и/или не всегда осознаваемое стремление авторов отождествлять сходство различий неких параметров с достоверностью полученных результатов. Эти произвольные манипуляции – замену и разрыв термина – можно смело назвать «смысловой анархией». Отдельные части термина, которые подобно «вирусам» начинают жить самостоятельной жизнью, перенося участки «псевдоинформации» (псевдосмысла) в иные контексты, все стремительнее завоевывают место в научном сознании.

Важная цель любой рефлексирующей процедуры — обоснование определенного фрагмента знания. Однако процедуры, которые первоначально, казалось бы, имеют чисто обосновательное назначение, в действительности зачастую являются не чем иным, как «своеобразным способом развития самого содержания знания. Это одновременно и результат выхода за пределы концептуальной системы и средство этого выхода» [Лекторский 1980: 261–263].

Рефлексия должна служить орудием критики наличного знания, благодаря чему знания и опыт становятся динамичным, развивающимся элементом, и, таким образом, рефлексия выступает одним из способов стимулирования производства знаний [Колеватов 1984: 58].

Из всех составляющих рефлексии для риторики научных текстов наиболее важным и близким является понимание научного текста как важнейшего эле-

мента познавательного процесса. Организация рефлексии в процессе освоения содержательности при изучении современных научных текстов через наиболее оптимальные и эффективные способы ее стимулирования тесно связана с понятием «мыследеятельность» (сознательная деятельность) [Щедровицкий 2001:67]. Условно понятия «сознание», «мышление», «коммуникация», «деятельность» рассматриваются в отрыве друг от друга, однако в реальности у автора текста / читателя сознательная деятельность существует параллельно – как результат мышления и коммуникации и, наоборот, мышление и коммуникация обусловлены, направляются и определяются сознательной деятельностью. На основе схемы, предложенной Г. П. Щедровицким в приложении к управлению процессами адресованности и познания научного текста, можно предложить схему мыследеятельности, моделирующую познавательную активность адресата в процессе освоения текстовых ситуаций, где мыследеятельность строится на основе трех относительно самостоятельных блоков.

У каждого блока мыследеятельности существует своя собственная специфическая деятельность. Все зависит от того, какие блоки мыследеятельности (МД) замыкаются на текст (М-К). В этой схеме центральным является блок М-К (мысль-коммуникация), так как он соединяет в одно целое блоки МД (мыследеятельность) и М (чистое, невербальное мышление).

Основным в этом процессе является именно рефлексия над специальным научным текстом, которая связывает научный опыт адресата текста и познавательный образ, представленный в тексте. Например, текст рецензии на статью «Внутрисосудистое лазерное облучение крови как компонент анестезиологи-

ческого обеспечения при оперативном лечении больных с острой кишечной непроходимостью [Неймарк 2007: 43].

Может ли внесосудистое лазерное облучение крови претендовать на роль компонента анестезиологической защиты?

Лечение острой кишечной непроходимости до настоящего времени является одним из наиболее сложных разделов ургентной абдоминальной хирургии. Новаторство данного исследования заключается в том, что впервые внутрисосудистое лазерное облучение крови (влок) использовано в качестве компонента общей анестезии. Применяв многокомпонентную нла (мнла) в сочетании с эпидуральной анестезией и влок, авторы доказали, что данная технология в отличие от многокомпонентной нла или мнла + эпидуральная анестезия, в наилучшей степени обеспечивала защиту организма от операционного стресса, что проявлялось стабильностью гемодинамических показателей, лимитированием реакции симпатико-адреналовой системы и гидроперекисной активации липидов, повышением антиоксидантной активности плазмы.

Недостатки работы определяются ее методическим уровнем. На мой взгляд, некорректно у ургентных хирургических больных анализировать изменения центральной гемодинамики на основании расчетных показателей по формуле Старра. Ошибочно судить о функциональном состоянии симпатико-адреналовой системы по уровню кортизола плазмы, не зная показателей концентрации катехоламинов. Дело в том, что влок обладает гормоностимулирующим эффектом и его применяют для лечения хронической надпочечниковой недостаточности. Авторами получены противоположные результаты

и их можно правильно интерпретировать только на основании комплексной оценки симпатико-адреналовой системы. В таблицах не содержатся контрольные показатели, а без сравнения с ними у экстренных больных трудно оценивать динамику изучаемых параметров.

Сделанные замечания преследуют цель помочь авторам в их дальнейших исследованиях и нисколько не умаляют значимость выполненной работы. Она интересна содержащейся в ней идеей. Возможно, в дальнейшем авторам удастся получить более убедительные доказательства целесообразности использования влок в качестве компонента анестезиологического пособия и тогда в обозримом будущем этот метод займет свою нишу в клинической практике.

В данном примере отрефлексируемым оказывается, прежде всего, заголовок, содержащий программу интерпретации основного текста статьи. Значимым качеством деятельного разума является *вопросающий характер сознания, его способность формулировать вопросы* [Копнин 1982: 197]. Вопрос – начальная форма активного отражения, начало осмысления (рефлексии). Вопрос (проблематизация) ценен тем, что, продуманный, сформулированный и заданный основательно, он помогает выявить пробелы в той или иной области знания, направления дальнейших исследований, места, где может быть «зарыта» разгадка тех трудностей, которые мешают обрести более полную и точную истину об объекте исследования. Если вопрос возникает на основе хорошего изучения уже известного, то сам по себе он может быть «прелюдией» к обнаружению уникального знания, его приращению, к уточнению уже известного или обнаружению встроенных в знание ошибок и заблуждений.

Если судить приведенные далее формулировки, то можно заметить, что рефлексия предстает как психологический ментальный процесс, связанный с *оценкой*, которая вносит ясность в отличительные особенности анализируемого научного явления:

Лечение острой кишечной непроходимости до настоящего времени является *одним из наиболее сложных разделов* ургентной абдоминальной хирургии. *Новаторство* данного исследования заключается в том... Применив многокомпонентную нла (мнла...) *авторы доказали*, что данная технология... *в наилучшей степени* обеспечивала защиту организма от операционного стресса, что проявлялось стабильностью;

с обнаружением ошибки и обоснованием истинных положений:

Недостатки работы определяют ее методическим уровнем... *Ошибочно судить* о функциональном состоянии симпатико-адреналовой системы по уровню кортизола плазмы, не зная показателей концентрации катехоламинов. Дело в том, что влок обладает гормоностимулирующим эффектом и его применяют для лечения хронической надпочечниковой недостаточности. Авторами получены *противоположные результаты* и их можно *правильно интерпретировать только на основании комплексной оценки симпатико-адреналовой системы*. В таблицах не содержатся контрольные показатели, а без

сравнения с ними у экстренных больных трудно оценивать динамику изучаемых параметров;

с контролем, суть которого состоит в сознательном соотнесении контролируемого с эталоном:

112

Сделанные замечания преследуют цель помочь авторам в их дальнейших исследованиях... Возможно, в дальнейшем авторам удастся получить *более убедительные доказательства* целесообразности использования влок в качестве компонента анестезиологического пособия и тогда в обозримом будущем этот метод займет свою нишу в клинической практике.

В рецензии можно наблюдать следы рефлексии адресанта и прогнозируемость рефлексивных «ходов» прогнозируемого адресата. Текст рецензии содержит профессионально значимую информацию, основываясь на специальной терминологии конкретной отрасли знания; критические замечания; рекомендации.

Если предположить, что отрефлексированное знание – это процесс, то у него должна быть своя природа, качества, признаки и свойства. Во-первых, природа этой психологической функции в научном тексте обладает рядом уже названных важных свойств: способностью к вопрошанию, оценке, критичности, эвристичности и тем самым способностью участвовать в формировании правильного, позитивного или отрицательного ответа (хотя сама по себе последняя способность не является его основной функцией).

Во-вторых, эти свойства нагружаются определенным содержанием, в основном

в форме утверждений, предположений и гипотез, претендующих на истинность и являющихся объектами когнитивного сознания. При этом будем помнить, что в широком смысле критичность проявляется в любом акте мышления. Когда мы что-то отражаем и одновременно размышляем об этом, то критичность проявляется сразу в двух отношениях: она обращена как к содержанию мышления, так и к правильности или ложности размышлений об этом содержании.

Поэтому другой составной частью этого содержания являются методы контроля рефлексированного знания. К этим формам относятся наблюдение, эксперимент, рассуждения, различные виды исследований и коммуникативных экспертиз. Свои внутренние критерии правильности функционирования, работы со своими содержаниями рефлексированное знание получает от логики критического мышления.

В-третьих, все действия, вся работа критического разума может быть представлена как ряд процедур и правил, которые суммируются в метод исследования, выражаемый в виде набора оценочных (предписывающих или нормативных) утверждений.

Наконец, это мышление приобретает определенный ценностный статус, т.е. критическое мышление – одна из важных ценностей сознания ученого. В нашем понимании термин «сознание» акцентирует статический аспект явления, а «мышление» – динамический. Сознание – это свойство мозга, мышление – деятельность мозга, наделенного сознанием (то есть мыслительная деятельность). Сознание в рамках нашего исследования предлагаем назвать когнитивным, подчеркивая его ведущую познавательную сторону – «сознание формируется в ре-

зультате познания (рефлексии) субъектом окружающей действительности, а содержание сознания представляет собой знания о мире, полученные в результате познавательной деятельности (когниции) субъекта [Стернин 2002].

Изучая сознание в аспекте рефлексивной деятельности, следует уточнить, что когнитивное сознание связано с критическим мышлением. На это указывает Халперн «Критическое мышление – это использование когнитивных техник или стратегий, которые увеличивают вероятность осознания желаемого результата» (Халперн 2000).

Рассматривая развитое критическое мышление, как обязательный компонент сознания ученого, и синтезируя многочисленные определения, можно предложить следующий вариант: *критическое мышление по отношению к репрезентации научного знания в текстах – слож-*

ный рефлексивный процесс мышления, который включает ассоциативное восприятие, анализ и оценку механизмов функционирования знания в научном пространстве. При этом развитие критического мышления – не итоговая цель научного сознания, а его постоянный компонент.

В результате проведенного цикла исследований [Видинеев 1999], [Прайс 1996] рефлексии как механизма организации творческого мышления ученого было установлено, что возможности творить культивируются в сознании исследователя, а реализуются и развиваются непосредственно в актуальном процессе самого творчества путем самостоятельного осуществления рефлексивных усилий, прилагаемых личностью для переосмысления и преобразования конкретных ситуаций в тексте.

summary

Σ The integrative approach to studying a reflection in scientific consciousness

In clause the treatment of concept of a reflection in aspect of scientifically-cognitive activity of the scientist is presented. Special interest represents интегративный the approach to reflective mechanisms in the text which reflects all complexity of the лексико-semantic analysis of language units (on an example of medical texts). The reference to the scheme conscious activity, has allowed to simulate cognitive activity of the addressee during development of text situations where conscious activity is under construction on the basis of three concerning independent blocks: M-c (conscious activity), M-to (idea-communications), M (nonverbal dialogue)

As a result of carried out research of a reflection as mechanism of the organization of creative (critical) thinking of the scientist it has been established, that opportunities to create are cultivated in consciousness of the researcher, and are realized and develop directly in actual process of the creativity by independent realization of the reflective efforts applied by the person for reconsideration and transformation of concrete situations in the text.

Литература:

114

- Бажанов 2002: **Бажанов, В. А.** Рефлексия в современном науковедении – In: – Рефлексивные процессы и управление. – Москва. – С. 73–89.
- Бахтин 1989: **Бахтин, М. М.** Эстетика словесного творчества. – Москва. – 353с.
- Богин 1987: **Богин, Г. И.** Разные подходы к вопросу о схемах понимания – In: – Текст в языке и речевой деятельности: состав, перевод и автоматическая обработка. – Москва, С. 59–82. я
- Брушлинский 2000: **Брушлинский, А. В.** Рефлексивное управление. – Москва – 123с.
- Видинеев 1999: **Видинеев, Н. В.** Природа интеллектуальных способностей – Москва – 314с.
- Воробьева 1992: **Воробьева, О. П.** Текстовые категории и фактор адресата. – Киев – 147с.
- Гиндин 1982: **Гиндин, С. И.** Некоторые уроки и возможные перспективы контактов между логикой и лингвистической теорией текста. – In: – Логический анализ естественного языка: Тез. докл. – Вильнюс. – С. 44–72.
- Дридзе 1980: **Дридзе, Т. М.** Язык и социальная психология. – Москва. – 86 с.
- Дридзе 1984: **Дридзе, Т. М.** Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии – Москва. – 145 с.
- Дускаева 1998: **Дускаева, Л. Р.** Диалогичность как функциональная семантико-стилистическая категория (ФССК диалогичности). – In: – Стилистика научного текста (общие параметры). ч. 2. – Пермь. С. 166–186.
- Зорин 1989: **Зорин, Н. А.** Кризис медицинской психиатрии: истоки и проблемы преодоления. – In: – Философские науки. – Москва. С. 43–52.
- Карпов 2004: **Карпов, А. В.** Психология рефлексивных механизмов деятельности – Москва. – 424 с.
- Кожина 1986: **Кожина, М. Н.** О диалогичности научной речи. – Пермь – 183 с.
- Кожина 1998: **Кожина, М. Н.** Диалогичность как категориальный признак письменного научного текста. – In: – Очерки истории научного стиля русского литературного языка. т. 11, ч. 2. Стилистика научного текста (общие параметры). – Пермь. – С. 124–165.
- Колеватов 1984: **Колеватов, В. А.** Социальная память и познание. – Москва. – 321с.
- Копнин 1982: **Копнин, П. В.** Проблемы диалектики как логики и теории познания. – Москва. – 246 с.
- Лекторский 2001: **Лекторский, В. А.** Эпистемология классическая и неклассическая. – Москва. – 360 с.
- Леонтьев 1974: **Леонтьев, А. А.** Психология общения. – Тарту. – 436 с.
- Локк 1960: **Локк, Дж.** Опыт о человеческом разуме. – In: – Избр. филос. произведения.: в 2 т. Т. 1 – Москва. – С. 153–162.
- Прайс 1996: **Прайс, Д.** Малая наука, большая наука – In: – Наука о науке. – Москва. – С. 36–54.
- Разинкина 1985: **Разинкина, Н. М.** О понятии стереотипа в языке научной литературы. – In: – Язык, стиль, жанры. – Москва. – С. 34–52.
- Розов 1995: **Розов, М. А.** Наука как традиция. – In: – Философия науки и техники. – Москва. – С. 25–78.
- Славгородская 1986: **Славгородская, Л. В.** Научный диалог. Лингвостилистические проблемы. – Ленинград. – 242 с.
- Стернин 2002: **Стернин, И. А.** Коммуникативное и когнитивное сознание. – Москва-Воронеж. – 51 с.

- Степанов 1982: **Степанов, С. Ю.**, Семенов 1982: **Семенов, И. Н.** Проблема формирования типов рефлексии в решении творческих задач. – In: – Вопросы психологии, №1. – С. 99–104.
- Халперн 2000: **Халперн, Д.** Психология критического мышления. – Москва. – Санкт-Петербург. – 432 с.
- Щедровицкий 2001: **Щедровицкий, Г. П.** Рефлексия и ее проблемы. – In: – Рефлексивные процессы и управление, Т.1, №1. – С. 64–78.
- Юдин 1997: **Юдин, Э. Г.** Методология науки. Системность. Деятельность. – Москва. – 348 с.